ЛЕО САРР

14 ПОДВИГОВ И ОШИБОК ОДНОГО ЛЁНИ

Лео Сарр

14 подвигов и ошибок одного Лёни

https://litres.ru/74749432
SelfPub; 2026

Аннотация

В детстве и юности все устроено просто. Если помог бабушке – герой, а если не смог познакомиться с девушкой – дурак. Но чем старше становишься, тем сильнее путаются берега. В этой книге ровно четырнадцать историй. И где здесь подвиг, а где промах, порой не знает даже сам Лёня

14 подвигов и ошибок одного Лёни

Сборник рассказов

В детстве и юности все устроено просто. Если помог бабушке – герой, а если не смог познакомиться с девушкой – дурак. Но чем старше становишься, тем сильнее путаются берега. В этой книге ровно четырнадцать историй. И где здесь подвиг, а где промах, порой не знает даже сам Лёня

Часть первая: Дрова

Возраст сердца измеряют не годы, а дела любви. Чем больше опыт добра, нежности, заботы, тем взрослее сердце и больше у него сил. Не зря же говорят, что любовь не оскудевает и не перестает. Научившемуся пить из ее источника все легко. А если стало трудно, значит не оттуда пьешь

За четыре года своей жизни он еще никогда не слышал, как плачет его бабушка. Ему показалось, что она смеется. А потом он заглянул в комнату и увидел, что бабушка стоит рядом с матерью, прижимает к лицу ладони и сквозь них капают слезы.

- Эдик в армии, дров не дадут, замерзнем, – причитала она.

Получить дрова можно было только через рабочее предприятие. Эдик был слесарем и каждую осень выписывал для семьи машину толстенных березовых чурок. В этом году его забрали в армию, и, что дров не будет, выяснилось только сегодня. Всем привезли, а им нет. Во дворе суматоха, раскрасневшиеся соседи бегают, прибирают дрова на место, а они не при чем. Купить не у кого, взять негде. Беда.

Сама мысль о холоде его не пугала. В доме светло и тепло. Когда еще он будет этот холод?! Страшно было смотреть на плачущую бабушку. Ее беззвучно падавшие на пол слезы, казалось, с грохотом разрушают их прежде незыблемый мир и превращают только что бившееся весельем сердце в заледеневший камешек. Такое никаким морозам не под силу! Руки и ноги стали ватными. Глаза перестали моргать.

Будто почувствовав его ужас, мать и бабушка обернулись. Бабушка тут же отерла слезы, мать улыбнулась, но он не поверил их притворной веселости. Сковавший сердце страх никуда не исчез. Он видел, что мать, как обычно уезжая на неделю, обнимает бабушку. За ней закрывается дверь. И вот они снова остаются вдвоем.

Он любил жить с бабушкой. Убогая хибарка на задворках Одессы была лучшим местом на земле. Бабушка не отличалась особой лаской, не говорила с ним много, не баловала, но он всем существом ощущал ее молчаливую любовь, питался ее теплом, наполнялся живительной силой беспрестанного, сосредоточенного внимания. «Цветы, на которые смот-

рят, растут быстрее», – приговаривала она. Он стал для нее единственным смыслом катившейся к закату жизни, последней беззаветной любовью, не экономящей чувств, не подвергающей их сомнению, не откладывающей ничего на потом и потому отдающей себя без остатка. Такая любовь животворит, прощает то, что нельзя простить, выхаживает безнадежно больных, а в детях навсегда рождает негасимую надежду и веру в счастье.

Даже когда бабушка стояла к нему спиной, он чувствовал, что она его видит. Ощущение незримых, но крепко связавших их уз придавало его собственной жизни особый смысл. Он чувствовал, какой он нужный. Это делало его большим и важным. Любовь бабушки наполняла его жизнь чувствами, названия которых он не знал, но которые ускоряли его внутренний рост. Для нее же он стал будущим, которого у нее уже не будет, но в котором она останется жива.

Ради внука она оставила работу медсестры в больнице и перебивалась частными вызовами на уколы. Сэкономив заветные пять рублей, шла на рынок, покупала творожок, цепким взглядом выискивала лучшую курочку и потом всю неделю варила обеды – супы, жаркое, что-то фаршированное, запеченное, томленое, пареное, а из костей – холодец. Когда не было денег на курицу, она брала живых цыплят. По пятьдесят копеек штука. Они бегали по дому, чтобы не утащила кошка. Бабушка кормила их зерном, ждала, когда они хоть немного подрастут, а потом без колебания скручивала

головы, ощипывала и принималась опять жарить, парить, варить. Страх за внука и битва с постоянно подкрадывавшимся к дому голодом не оставляли места жалости. Лишь бы накормить, прожить еще день и запасти сил на следующий.

Он еще не умел верить в бога, но он верил в бабушку. Верил, что ее силы хватит на всех. Что она знает лучше и все умеет. А потом он увидел, как бабушка плачет из-за дров и ее спина содрогается от беспомощных всхлипов. Вся его жизнь повисла на волоске. «А вдруг она умрет?»

За ночь поселившаяся в сердце тяжесть не исчезла. Она лежала в нем прежним неподъемным грузом. Бабушка привычно поставила на стол завтрак – стакан молока и кашу. Он все съел и выпил, но вкус будто стал другим. Он надел пальтишко, по привычке всунул руки в рукава, натянул шапку, и снова понял, что теперь все по-новому. Пальто и шапка тоже казались другими. Приноровившись к ставшей не по нему одежде, он вышел на улицу.

Его мир ограничивался небольшим двором перед домом, проходившей мимо дорогой и ездившими по ней машинами. Как магическая черта, дорога делила мир на две неравные части – знакомую и чужую. По эту сторону жили они с бабушкой, их соседи, соседские мальчишки, дворовые собаки, коты, гулявшие сами по себе куры и поросята. На той стороне был другой непонятный мир. Там стояла военная часть, ходили солдаты с ружьями, слышались окрики и много непонятных звуков. Он обычно доходил до дороги и всматривал-

ся, что происходит в том чуждом мире. Его тянуло туда, но он не решался покинуть привычный двор. Теперь же, сам не зная почему, он двинулся дальше – прямиком к казармам и солдатам.

Как и всем вокруг, в военную часть накануне привезли дрова. Они грудились перед казармами упиравшейся в небо горой. Рядом стоял солдат с ружьем. Чурки были навалены тут и там, некоторые откатились в сторону – ближе к дороге. Стараясь не глядеть на солдата и его ружье, он подошел к лежавшему поодаль бревнышку, попробовал его сдвинуть, и – о чудо! – оно легко подалось вперед. Не думая ни о чем, он покатил его к дому. Солдат даже не обратил внимания. Уж слишком сильно маленький человечек в потертом пальтишке не походил на возможного врага. Ни по габаритам, ни по манерам. А вступать в разговор с ребенком, который по размерам больше напоминал кошку, ему не пришло в голову.

Прикатив к дому первое бревнышко, он отправился за следующим, и к приходу бабушки накатал уже с десяток чурок.

– Ох ты, батюшки. Да откуда это? Мать с кем прислала? – разулыбалась бабушка.

– Нет, не мать, это оттуда, где солдаты. Я взял, они ничего не сказали. У них целая гора, – он внимательно всматривался в лицо бабушки, стараясь понять, правильно он сделал или нет.

Складки на ее лице распрямились, она пристально по-

смотрела на него и что-то засветилось в глубине глаз.

– Давай снесем в сарай. Пусть там лежат, – сказала бабушка, и он с облегчением почувствовал, что она стала веселая.

Что это воровство, никому из них не пришло в голову. Все в стране общее, кому нужнее, тот и пользуется. Видимо, то же думали солдаты, которые во всю следующую неделю так и не обратили внимания на без устали трудившегося мальчугана.

Он выходил на работу с утра и до самого вечера катал чурки от части к дому. Вид с каждым днем все больше светлеющего лица бабушки делал его сильнее и помогал изжить засевшую в сердце ледяную тревогу, что она умрет. С каждым новым бревнышком тяжесть в его душе становилась легче. Двести метров от дома до части и обратно стали дорогой, на которую он ступил совсем ребенком, а вернулся пусть таким же маленьким, но будто возмужавшим. Он по-прежнему смотрел на бабушку снизу вверх, но взглядом равного. Добытчика и защитника. Она перестала быть для него всесильным божеством, но от этого его любовь не стала меньше. Она стала другой, как и он сам. Ему было ново и весело чувствовать свою силу и поддающуюся ей упругую плоть жизни.

К концу недели сарай был до верху набит уложенными в ровненькие ряды дровами. Приехавшая на выходные мать ничего не знала. Она вошла в дом и виновато посмотрела на бабушку.

– Мама, я всю неделю искала дрова, но ничего не нашла,

– сказала она.

– А ничего и не надо, – ответила бабушка. – Ленечка всё заготовил. Вон полный сарай. Не пропадем!

Часть вторая: Испания

«А мне папа на день рождения велик подарил», – проходя мимо незнакомой дворовой компании, услышал Леонид и на мгновение перестал дышать. Как будто получил удар под дых. «А мы с отцом в выходные поедем на рыбалку. С ночевкой», – последовал новый удар в то же место от другого мальчишки. Сжавшись от непонятной боли и став совсем маленьким, Леонид побежал прочь.

Счастье, что на этот раз он был лишь случайным свидетелем чужого разговора. Когда похожие беседы заводили его приятели, он замирал и старался стать невидимым. Его родители развелись совсем недавно. Отец, не сказав ни слова, собрал вещи, уложил их в потрепанный фанерный чемодан и закрыл за собой дверь. Опустевшие полки казались огромными. Они сразу бросались в глаза, стоило только открыть шкаф. Видимо, своей пустотой они пугали и маму. Чтобы заткнуть образовавшуюся дыру, она разложила на них свои юбки и кофточки и делала вид, что ничего не случилось. Она не проронила об отце ни одного худого слова, только устроилась на третью работу и теперь приходила домой особенно поздно. Как всегда усталая, но какой-то новой безысходной усталостью, которая заставляла ее подолгу молчать, сидеть

на табурете в кухне и смотреть в черное от ночи окно. Не было ни скандалов, ни слез, ни обвинений, но тяжелые тучи обиды нависли над домом. Иногда они прорывались всполохами бабушкиных причитаний: «Ох, что же теперь? На кого положиться? Как жить-то?» И хотя бабушка ничего не говорила прямо и вопрошала не кого-то лично, а будто все мироздание, молнии ее слов попадали прямиком в него – в Леню.

Он все время ждал, что отец вернется. Придет так же молча, как ушел. Повернет ключ в замке, снимет шляпу, повесит на вешалку коричневый плащ, и дом вновь обретет полновесность и законченность. Присутствие отца – взрослого, сильного, всегда и все знающего – делало жизнь простой и понятной. Даже когда он надолго уезжал в командировки, его сила оставалась в комнатах, привнося в них порядок и удерживая всё на положенных местах. Теперь, будто утратив организующее начало, дом начал разваливаться – дверные петли ослабли и стали скрипеть, стол захромал, чайник сгорел. Сдаваясь во власть проникавшему из внешнего мира хаосу, вещи оказывались в странных, не положенных им местах – сахарница в коридоре, кастрюля в ванной. Посуда то и дело билась и со звоном разлеталась на кусочки, вслед за разбитой жизнью.

Они продолжали видеться. Каждое воскресенье к приходу Леонида отец готовил борщ. Рано утром шел на рынок, покупал лучшее мясо и овощи. Искал особенный бурячок, с пристрастием допрашивал продавщиц. Вернувшись домой,

часами стоял у плиты. Не отходя ни на шаг от кастрюли, снимал с бульона пенку, чистил, резал, тушил. Ему казалось, что борщ вбирает в себя всю силу его заботы и он кормит сына не борщом, а своей любовью. Но Леня ждал не борща, а чего-то другого, действительно нужного, что ответило бы на тысячи вопросов и успокоило сердце.

– Ну ешь скорее. Как школа? Как уроки? Пойдем в парк! – из раза в раз повторялся похожий разговор. И все это было не то! Не то! И каждый раз, наевшись до отвала, Леня уходил домой, испытывая какой-то неизбывный, пронизывающий всё тело голод.

Он точно знал, что прежней жизни уже не будет, но не ждать возвращения отца не мог. Не только из-за устремленного в пустое окно взгляда мамы. Как и она, Леонид вдруг остался один на один с враждебным миром. Давать отпор мальчишкам во дворе и в школе было проще, когда в доме жил отец. Его ежедневное тихое присутствие наполняло Леонида силой и помогало смотреть на задиру взглядом, который давал сдачи не хуже кулака. Теперь, в потерявшей устойчивость жизни, даже мелкие тычки и намеки на случившееся несчастье надолго лишали его равновесия и вызывали одно желание – спрятаться ото всех за тридевять земель.

Убежав от мальчишки, получившего в подарок от отца велосипед, Леонид взлетел по лестнице домой и заперся в комнате. Он достал с полки атлас. Открыл его, нашел Одессу. Долго на нее смотрел. Потом перелетел взглядом во Фран-

цию. То, что она торчит посреди континента, ему не понравилось – слишком на виду. Не спрячешься. Поэтому он не задержался во Франции и мысленно перебрался в Грецию, но тоже разочаровался. Ну Гомер. Ну Одиссей. Ну Троянский конь. Интересно, но уж очень давно это было. Да и было ли! Вот Испания… Он в один миг охватил глазами чуть покосившийся прямоугольник на карте. Впился в волшебные названия – Гренада, Сарагоса, Ла-Корунья. Они были совсем не похожи на его жизнь, в которой мама от усталости засыпала прямо в трамвае и беззащитно роняла голову себе на грудь, а он каждый день стоял в очередях за едой и решал отнюдь не школьные задачки – выбирал и покупал нужное для дома, выслушивал брань соседей по коммуналке за не выключенный свет или ходил на «ночные биржи», где мама надеялась обменять их коммунальную комнату на любую, пусть даже самую маленькую, но отдельную квартирку.

В Испании все было другое. Гордые тореадоры в блистательных одеждах с огненно-красными мулетами. Прекрасные сеньориты в пышных цветастых юбках, с неизменной розой за ухом. Они выстукивали кастаньетами веселившие сердце ритмы и танцевали фламенко, высоко вскидывая голову и сверкая огромными очами. Леонид как наяву слышал стук их каблуков, и его сердце билось быстро-быстро.

С тех пор как мечты забросили его в Испанию, он начал читать о ней все подряд. Вскоре не было ни одного уголка Пиренейского полуострова, где бы не ступала нога его фан-

тазии. Он искал книги и дома, и в библиотеке, и в книжных магазинах. Издания на украинском были дешевле – по 50 копеек за книгу, на русском дороже – по полтора или даже по 2 рубля. Откладывая выданные на завтрак деньги, он мог купить украинскую книгу всего за неделю. На русскую накопить было сложнее. Поэтому вместе с любовью к Испании он приобрел отменные знания украинского и стал единственным учеником в школе, способным без запинки общаться на мове.

– Раш-кий, скоро к нам приедут из киевского горкома. Выступи от лица одесских пионеров и скажи несколько слов на украинском, – обращались к нему в особенно торжественных случаях, когда требовалось продемонстрировать нерушимую дружбу народов и показать бойко декламировавшего на украинском «русского мальчика».

Леня декламировал и после торжественной линейки снова нырял в волшебный мир говоривших по-украински тореадоров и дульсиней.

Помимо Испании, где он давно стал своим, Леонид облюбовал Корсику и Кубу и в особенно трудные моменты вспоминал историю корсиканского мальчика Фортунато Фальконе. Ему, как и Леониду, было 10 лет. Он жил с отцом Маттео в окрестностях городка Порто-Веккьо во времена, когда Корсику захватила Франция. Не желая покориться воле иноземного короля, корсиканцы считали делом чести во всем противиться захватчикам. Неважно – шли французские но-

вовведения во благо острову или нет. Любой бандит, скрывавшийся от французского правосудия, слыл героем и мог рассчитывать на помощь и кров. Фортунато спрятал одного из таких беглецов и славно держался, когда солдаты пришли с обыском, но потом сержант пообещал мальчику серебряные часы в обмен на сведения о преступнике. Часы были на стальной сверкавшей на солнце цепочке и стоили баснословные 10 экю – деньги, на которые можно было купить стадо овец или огромного мула. Завороженный их сиянием, Фортунато на мгновение забылся, потянулся одной рукой за часами, а другой указал в сторону стога, где укрыл беглеца. Бандита поймали и отправили в тюрьму. А когда отец Фортунато узнал о случившемся, он разбил часы о камень, взял ружье и, отведя сына к оврагу, приказал ему встать на колени и помолиться перед смертью.

Леонид представлял себя на месте Фортунато и думал, что ни за какие сокровища не выдал бы беглеца. В этот момент все склоки с соседями, все многочасовые очереди в магазине и все мальчишки с подаренными папой велосипедами теряли значение и не могли перевесить непоправимое горе маленького корсиканского мальчика.

В другой раз, раскрыв очередную книгу и снова покинув Одессу, Леонид выходил в кубинские воды вместе со старым рыбаком Сантьяго и пускался в погоню за хитрым гигантским марлином. Или на пару с золотоискателем в канадской тундре подворачивал ногу и долгие дни полз через лес

в сторону океана, сопровождаемый таким же обессилевшим больным волком, слишком слабым, чтобы напасть, и потому ползущим рядом и ждущим, когда человек сдастся и станет его добычей.

Жестокий мир сильных, готовых сражаться до последнего мужчин, стал для Леонида куда реальнее пыльных одесских улочек. Он засыпал бесстрашным партизаном Эль Сордо, готовым принять безнадежный бой, и просыпался матадором Мануэлем Гарсиа, с раной в груди, из последних сил вонзающим шпагу в сердце свирепого быка. Маленький мальчик, которым он ощущал себя еще недавно, менялся на глазах и теперь все в жизни измерял подвигами и беспримерной отвагой. В заданном им новом масштабе события обычной жизни становились мелкими и неважными – такими, которые можно перетерпеть или даже не заметить.

Постепенно Леонид понял, что больше не ждет прихода папы. Что на том месте, которое занимал отец, появился кто-то другой. Этот кто-то рос и набирал вес, становился умнее, сильнее, опытнее, мог дать совет и подсказать решение. Сначала ему казалось, что этот кто-то пришел к нему из книг и незримо сопровождает его в жизни. А потом понял, что это не кто иной, как он сам.

Перестав надеяться, что спасение придет, как в сказках, где все трудности решаются по мановению волшебной палочки, Леонид почувствовал облегчение. Ведь если не нужно ждать и надеяться на другого, то можно все сделать само-

му.

Из книжных путешествий он стал чаще возвращаться в реальный мир Одессы. И о чудо, теперь город не казался ему таким враждебным, непонятным и пугающим. Как будто он и впрямь прошел много дорог, прожил множество жизней и теперь смотрел на все глазами видавшего виды человека.

Перестав прятаться от жизни в книгах, Леонид починил дверные петли, отремонтировал стол и отнес в мастерскую все, что не сумел исправить сам. А когда наконец вырос и смог поехать за границу, первым делом отправился в Испанию. Но, к его удивлению, ничего особенного в ней не оказалось. Та Испания, в которую он ездил в детстве, была гораздо лучше.

Часть третья: 15 сантиметров

Выше головы не прыгнешь – нечего и стараться. Знай сверчок свой шесток. Генетические законы есть не только для тела, но и обстоятельств. Только никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Если обстоятельства не нравятся, можно из них вырасти

Всего 162 сантиметра. Увидев цифры под планшеткой ростомера, Леня упал духом. Самый маленький в классе. Только Федька был с ним почти одного роста. Остальные одноклассники на полголовы, а то и на голову выше. Вырасти нужно было кровь из носа. Во-первых, Зинка. Задорная хо-

хотушка с веселыми глазами и тугими косами. Как он ни старался вовлечь ее в разговор или рассмешить, взгляд Зины становился непонимающим и устремлялся в другую сторону. Или того хуже – поверх него. А потом неизменно примагничивался к рослому красавцу Славке. Стоило тому сказать любую глупость – Зинка хохотала. И не только Зинка. Избирательный слух девчонок в классе легко улавливал все, что говорил Славка, и не замечал того, что говорил он. Это не стоило Славке никаких усилий. Достаточно было выиграть в генетической лотерее высоченный рост и бычью шею. Ему же судьба сдала другие карты. У папы рост 170 сантиметров, у мамы 155. Шансов вырасти никаких. Но оставаться маленьким было невыносимо. Не только из-за девчонок. Если для них невысокий рост делал его невидимым, то для дворовой шпаны наоборот. Сбиваясь в шайку, мальчишки всласть измывались над загнанной в угол жертвой. Бить почти не били, но ведущая к дому дорога превращалась в полосу испытаний. Вот и теперь, возвращаясь из школы, он заметил бесцельно фланирующих по двору хулиганов. Как назло, они стояли у его подъезда – не прошмыгнешь.

– Ты че со старшими не здороваешься, совсем оборзел? – передал полученную от кого-то эстафету грубости коренастый парень к кепке. И обжог как когда-то обожгли его самого: – Придется тебя воспитывать!

Леня сделал шаг назад и тут же получил удар, сбивший с него шапку. Парень рядом ловко принял пас и отфутболил

ее через весь двор.

– Иди лови, пока мы ей крылья не приделали – криво усмехнулся главарь.

Леня молча пошел, поднял шапку, сунул в карман и вернулся к подъезду.

Стоявший рядом с заводилой парень замахнулся на Леню кулаком. Но главный его остановил:

– Погодь! – милостиво сказал он. – Может, он уже поумнел. – В следующий раз здоровайся, понял, шкет? – обратился он к Лене.

– Понял! – сказал Леня.

– Ну видишь, понятливый парень, пусть идет, я сегодня добрый, – сказал хулиган и отвернулся.

Почему унижать слабых считалось доблестью, Лене было непонятно. Но одобрительные смешки показывали, что коллективный хулиган в восторге и несогласных нет. Большинство из мальчишек росли безотцовщиной. Чувствуя силу лишь в стае, они боялись ходить поодиночке. Выдумать ничего другого, как устроить коллективную травлю и слиться в первобытной жажде крови, они не могли и охотно разделяли те радости, что были доступны их умам и сердцам. Какими бы рослыми и крепкими они ни казались, их души оставались маленькими. Леня это чувствовал и страстно хотел вырваться из мира маленьких людей с их микроскопическими радостями. Вырасти надо было и для этого.

Вернувшись из школы, он обычно забрасывал портфель в

дальний угол, съедал бутерброд или оставленный мамой суп и шел на море с другом – беспризорным псом Тобиком. Тобик давно выучил правила их дружбы и с неизменным постоянством оказывался у порога, когда Леня открывал дверь, чтобы идти купаться. Пес ловил его взгляд преданными глазами и едва заметно вилял хвостом, говоря «привет». Вот у Тобика, несмотря на маленькие размеры, душа была большая. В нее помещались и любовь, и верность, и восторг, и жажда совместных открытий. Леня мимоходом гладил Тобика по голове. Слепленные чувством взаимной приязни и товарищества, они шли на берег. Обняв взглядом линию горизонта и вобрав в легкие запах моря, Леня раздевался донага и бежал в воду. Через час или полтора он возвращался мокрый и счастливый. Пес встречал его заливистым лаем и прыгал вокруг, будто успел отчаяться и теперь расплескивал во все стороны радость от его возвращения. Леня разжигал костер и готовил выловленные мидии. Они вместе ели и глубоким вечером возвращались обратно – из большого мира моря, дружбы и бескрайнего горизонта в маленький мир городских страстей.

Однажды на уроке биологии учитель спросил Леню, как вышло, что у жирафа такая длинная шея. Леня подумал и ответил:

– Потому что жираф очень хотел достать вкусные листья на верхушке дерева. Он тянулся-тянулся и вытянулся!

Учитель поставил ему «два» и заявил, что дело в генети-

ке и естественном отборе. Мол, длинношеие жирафы оказались более приспособлены к жизни, выиграли конкурентную борьбу и потому выжили. А короткошеие погибли. Но Леня ему не поверил. Ведь поверить означало никогда не вырасти. Эта научная правда казалась настолько невыносимой, что принять ее было невозможно. Он был уверен, что все иначе: хочешь вырасти – тянись, прыгай, и все получится. Он где-то вычитал, что ускорить рост может морковка и физкультура. Он ел морковку килограммами, фанатично висел на турнике и пытался допрыгнуть до потолка. По 1000 раз в день. Поначалу ничего не получалось, но однажды пальцы чиркнули по побелке. Спустя время он не просто допрыгивал до потолка, но упирался в него согнутыми в локтях руками и отталкивался двумя ладонями, ускоряя обратный ход. Потолок в квартире выглядел так, будто по нему пробежались неизвестные науке животные – с пятипалыми ногами. Животные явно передвигались стаями и протоптали на потолке целые дорожки, от которых во все стороны вели разрозненные следы.

– Батюшки! Что это? – всплеснула руками мама, увидев исхоженный вдоль и поперек потолок. Но ругаться не стала. Только провела рукой по ершику волос. Этот жест означал любовь.

Несмотря на упорные старания, очевидного эффекта не было. Чтобы вырасти, Леня стал ходить на баскетбол. «Хочешь стать великаном – будь с великанами», – решил он. Он

был такой маленький, что любой брошенный из-под корзины мяч, перехватывался высокими игроками. Тогда он научился так подпрыгивать к кольцу, что закладывал мяч сверху, без необходимости его подбрасывать. Другие игроки хотели его дисквалифицировать за такие броски, но тренер сказал, что по правилам баскетбола это разрешено и что каждый имеет право сделать также. Однако повторить прыжки кузнечика коренастым украинским парубкам было трудно. Каждая атака неотвратимо заканчивалась очередным очком. Великаны пытались напрыгнуть на Леню и повалить на поле. Если он выскальзывал, они расставляли могучие руки и перекрывали путь к кольцу живым забором. Но и это срабатывало не всегда. Леня, как юла, крутился вокруг себя, искал прореху и как только находил, подпрыгивал к кольцу и закладывал мяч в корзину.

Умение прыгать с места развилось у него до такой степени, что, возвращаясь домой, он прыгал по лестнице сразу через пять или шесть ступеней. На уроках физкультуры одним прыжком заскакивал ногами на козла. Удивлению одноклассников и учителя не было предела. Но вырасти по-прежнему не удавалось.

Стояла весна. Приятель Лени по фамилии Владимирский, который занимался в спортивной школе штангой и был накачан, однажды посмотрел на него укоризненно и произнес:

– Скоро сезон, и в чем ты собираешься выходить на пляж – неужели в этом? – он имел в виду, конечно, не одежду, а

мускулы, которых у Лени действительно не было.

По совету Владимирского Леня пошел заниматься штангой. Тренер задумчиво посмотрел на тщедушного тонкокостного 15-летнего мальчика, покачал головой и… принял. Открыв дверь, которая вела в зал, Леня оказался в мире настоящих богатырей – огромных мужчин, состоящих из рельефа выступающих мышц. В отличие от дворовых силачей, которые чуть что лезли в драку, эти богатыри, рвущие в небо 200 килограммов, были улыбчивые, добрые и более мирные, чем кролики. Только на помосте один на один со штангой их лица приобретали суровое выражение. Колени, локти и запястья, затянутые эластичными бинтами, напрягались. Они погружали ладони в тальк – так, что белое облако повисало над ними. Брались за штангу, напружинивая все тело, издавали отчаянный крик – и гнущийся под тяжестью железных блинов гриф взлетал в небо.

Поединок Лени со штангой растянулся на долгие месяцы. Он начал с 20 килограммов. Это был вес голого грифа. Но даже он поддавался с трудом. Три-четыре подхода, и мышцы становились свинцовыми, пробивала дрожь, тело переставало слушаться. На следующий день руки и ноги боли так, что их не получалось согнуть. Он приходил в зал 4-5 раз в неделю. Из месяца в месяц. Будто чувствуя фанатичную решимость биться до конца, штанга стала поддаваться. Сначала на грифе появились легкие блины, потом все тяжелее и тяжелее. Через год он рвал 80 килограммов, толкая штангу вверх

не только мышцами, но и всей заключенной в его небольшом теле волей.

Он дал себе зарок не измерять рост до следующего медосмотра. Не хотел расстраиваться. Вдруг это поколеблет решимость и заставит отступиться от тренировок. Но то, что он изменился, стало понятно без медосмотра.

– Займешь мне очередь в столовке? – повернувшись с соседней парты в один прекрасный день спросила его Зинка.

Вопрос оглушил его, будто с неба раздался гром. Раскаты разразившейся грозы услышал и сидевший неподалеку Славка. Он тоже обернулся и будто ждал, что ответит Леня.

– Конечно! – сказал он. – Ему не хотелось мстить за прошлое презрение и равнодушие Зинки. Он был счастлив и хотел обнять не только ее, но и весь мир.

Одновременно с тем, как его существование было подтверждено Зиной и другими одноклассницами, быстро сделавшими его частью разговоров и школьных дел, во дворе дома случилось обратное превращение. Уличная шпана перестала его замечать. Он шел по знакомой тропинке, когда увидел у подъезда заправлявшего ватагой забияку. Сворачивать было поздно. Это означало заранее признать поражение. Он пошел вперед, поравнялся с матерящейся компанией и приготовился к атаке, но она не последовала. Шпана даже не повернулась в его сторону. Будто он оказался за границами видимого им мира.

Через год на следующем медосмотре, выйдя из-под план-

шетки, Леня посмотрел на ростомер. 177 сантиметров. Он не поверил своим глазам. Плюс 15 сантиметров. Он стал одним из самых высоких в классе. И главное! Законы генетики, в которые его заставляли верить, были отменены. Место жестоких правил эволюции занял другой открытый им закон: невозможно только то, что кажется невозможным. До всего остального можно если и не дотянуться, то по крайней мере допрыгнуть.

Часть четвертая: Каролино-Бугаз

В каждом городе есть место, где жизнь выходит за рамки повседневного, уплотняется и будто превращается в «первородный бульон», из которого рождается будущее. Таков пляж Каролино-Бугаз в Одессе

На улицах пылала весна. В майском воздухе разлился густой, сбивавший с ног аромат белых акаций. Он будил все чувства разом и вселял в сердца столь же твердое, сколь и беспочвенное ощущение, что счастье на подходе.

Истосковавшись по беспечным солнечным дням, молодежь потянулась к морю на Каролино-Бугаз. Извилистый песчаный берег из заурядного пляжа в пригороде Одессы давно превратился в место роковых событий. «В ристалище судеб», – сказал бы кто-то напыщенно. По неясно кем заведенному порядку, здесь разворачивались все жизненные драмы: вершились судьбы, встречались и разбивались серд-

ца, пульсировали надежды и, словно яркие южные звезды, зажигались и под утро гасли самые первые безрассудные и отчаянные мечты.

Каждую весну побережье вспыхивало огненной вереницей поющих в ночи костров. Будто подчиняясь силам броуновского движения, парни и девушки гуляли от костра к костру, вливались в очередной озаренный светом круг, без слов получали приветственный стакан вина, пили, пели, шли дальше или прирастали навсегда. Из года в год, зажженные по чье-то невидимой воле, глаза на пляже горели одним и тем же пламенем страстей – менялись лишь лица.

Тем маем среди пылающих глаз на Каролино-Бугазе были глаза Леонида. Он как раз вошел в возраст, когда женская красота кажется особенно ослепительной. Ни до, ни после девушки не производили на него такого сокрушительного впечатления, но теперь преображающая сила юношеской мечты превращала их косички, хвостики и веснушки в мучащий своим совершенством идеал и наделяла весь девичий род сверхъестественным, ничем не победимым магнетизмом. Настолько же желанные, сколь и недостижимые, они окатывали Леонида ледяными взглядами, провожали сдавленными смешочками, а самые жестокие даже не поворачивали головы и будто не слышали обращенных к ним слов. Измученный своей невидимостью, он решил положить конец презрительному девичьему бойкоту и собственной нерешительности, не позволявшей если не взять судно на абордаж,

то хотя бы сократить дистанцию.

Каждая попытка завязать разговор становилась выходом на бой. Каждый раз проигранный. Это было больно и обидно. Тем более что у одноклассников дела шли куда лучше. Тот же Витька Рукавишников гулял то с одной, то с другой. И в целом относился к слабому полу почти с презрением. Может быть, в этом был секрет, но презирать Леониду не хотелось. Он желал разгадать их девичью тайну, хотел получить доступ в неведомый ему рай не как взломщик, но как рыцарь. Только девушки почему-то наотрез отказывались видеть в нем героя и разговорам о поэтах и писателях предпочитали идущего напролом Витьку.

– Ты читала Фитцджеральда «Ночь нежна» – там, где врач женится на пациентке, чтобы ее спасти? – спросил он однажды у приглянувшейся ему девочки. Ему казалось, такой вопрос никого не оставит равнодушным. Но девочка непонимающе посмотрела на него пустыми глазами и пожала плечами. Тогда он спросил, кто ее любимый писатель. Но она опять ничего не ответила и отошла в сторону.

Предприняв немало похожих попыток, Леонид решил изменить тактику и подъехать к девушкам если не на белом коне, то хотя бы на водных лыжах. «Должно сработать!» – подумал он. Тем более что умельцев оседлать волну было не так много, и они выигрышно выделялись на фоне сухопутных конкурентов.

– Витек, у тебя ж моторка. Пойдем завтра покатаемся? –

он хлопнул приятеля по плечу.

– Пойдем, только ты же вроде не умеешь, – ответил тот.

– Ну почему?! Может, и умею. Как раз проверим, – широко улыбнулся Леонид.

Встать на воду было проще, чем ему казалось. Уже через неделю он рассекал по морю, подставляя лицо и тело потокам брызг. А потом придумал особую штуку – выскакивать на лыжах на берег. Опасно приближаясь к пляжу, моторка делала крутой вираж, но до того, как фал начинал тянуть обратно в море, Леонид, как какой-нибудь заправский Нептун, гнал волну перед собой и успевал проехаться по бурлившему под ним песку. Чтобы сделать трюк, приятели выбирали малолюдный участок пляжа, но и тут не обходилось без промокших и визжавших от страха купальщиков.

Накатавшись до качки в голове, они шли на пляжную дискотеку. Несмотря на новый статус покорителя волны, девушки продолжали отбривать Леонида коротким: «Я не танцую», – и уже через пару минут шли танцевать с другим. Испытав немало болезненных для самолюбия уколов, он понял, что близок к отчаянию. Именно тогда его озарила мысль: он станет ежедневно знакомиться с десятью девушками, и неважно, скажут они «да» или «нет», он будет ставить себе зачет за каждую сделанную попытку. Как только наберется десять попыток – план выполнен, и он молодец.

В тот же вечер он решил опробовать свою систему. Выбрал самую симпатичную, пригласил на танец и услышал

привычное: «Я не танцую». Тогда он подошел к стоящей рядом и услышал тот же ответ. Делая шаг в сторону, он повторял приглашение и получал очередной отказ. Восьмая девушка, к которой он подошел, чуть не рассмеявшись, ответила: «Если ты думаешь, что я пойду с тобой танцевать, когда все отказались, то ты просто дурак». «Благодарю вас», – ответил он. Для выполнения плана оставалось получить всего два отказа, но девятая девушка неожиданно сказала «да». Он даже растерялся, увидев ее приветливую улыбку и протянутую руку.

– Вы же видели, что со мной никто не хочет танцевать. Почему вы согласились? – спросил он ее во время танца.

– Какое мне дело до других? Если честно, я даже боялась, что у вас не хватит терпения и вы не дойдете до меня, – сказала она с неожиданной прямотой. А потом спросила: – Это же вы катались на водных лыжах? Я вас узнала.

В душе Леонида разом грянул целый оркестр. Трубы трубили победу. Сердце барабаном выстукивало триумфальную дробь. Литавры восторга издавали звон, от которого, казалось, можно было оглохнуть. Он не помнил, что говорил той девушке, как проводил после танца и почему не попросил о новой встрече. Все это было неважно. Ведь случилось главное – она танцевала с ним, говорила открыто и доверительно. Такое могло быть только во сне. Но это был не сон. Дверь, в которую он так долго стучал, вдруг приоткрылась, и он заглянул в скрывавшийся за ней дивный сад. Всю ночь он не

мог заснуть и ощущал на ладонях ее тепло, вспоминал покачивания плеч, прикосновения пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.